

тишки, знали туда ходы и выходы и играли там в полутьме в прятки, за что нас часто гоняли днем кладовщики, а вечерами – ночные сторожа.

Читая потом много литературы о раскулачивании и высылке в Сибирь и Казахстан зажиточных крестьян и кулаков (их называли еще «мироеды»), я до сих пор удивляюсь, почему такого не происходило у нас. Например, наш сосед дядя Коля имел до 1941 года несколько механических станков с ножным приводом, в частности, для токарной обработки древесины, установку для изготовления (у нас говорили для «виття») длинных и разной толщины веревок из льна и конопли и др. (Коноплю тогда выращивали в нашем колхозе и на частных участках очень много. Могла ли она пойти на изготовление наркотиков – не знаю, так как тогда об этом никто никогда ничего не говорил и соответственно «не кайфовал и не наркоманил».) Три крепких рослых сына дяди Коли работали еще в 1930-е годы на этих станках, изготавливая поделки по заказам жителей нашей и соседних деревень и каких-то организаций района. Даже я пытался точить деревянные кругляши на токарных станках, и кое-что у меня получалось. Отец говорил, что до революции сосед слыл очень зажиточным крестьянином и нанимал батраков для обработки земли и для других дел.

В 1958 году я увез из деревни родителей и с тех пор никогда на родине не был, хотя в нашей и соседних деревнях остались еще очень дальние родственники.

2. МОИ РОДИТЕЛИ

Мать – Анастасия Михайловна (Андреева) – родилась в 1896 году в нашей деревне. Ее родственников я никого не знал, кроме упомянутых выше Андреевых. Откуда пошла такая фамилия – тоже неизвестно. Почему-то родители при мне никогда никого из этих родственников не вспоминали, как и родителей матери. Так что ни дедушки, ни бабушки со стороны матери я не представляю. В школу мать тогда вообще не отдала, так как считалось, что учить девочек грамоте ни к чему, так как главная добродетель женщины – быть хорошей женой и матерью. Пришлось ей самостоятельно осваивать грамоту и счет, а в советское время посещать уроки «ликбеза» (курсы ликвидации безграмотности). Читать она любила и до самой смерти в возрасте 96 лет просматривала без очков газеты, обсуждая затем со всеми все новости. В начале 1914 года помещик сагитировал родителей матери отправить ее в Кронштадт поработать служанкой в семье хорошо знакомого ему морского офицера, где она могла бы многое увидеть и узнать. И мать уехала в Кронштадт и находилась там до момента выезда этой семьи в конце 1917 года за границу. Сохранилась фотография молодой матери того времени. Несколько раз она добрым словом вспоминала ту работу в крепости, но конкретно ничего не рассказывала, да мы и сами ее почему-то не расспрашивали. Вышла замуж она за моего отца в 1924 году. В советское время работала в сельскохозяйственной коммуне, затем – в колхозе. У нее был единственный родной

брат Матвей, который уехал в 1925 году на временные заработки по плотницкому и столярному делу в Москву, что тогда обычно практиковалось деревенскими мужиками в осенне-зимний период после завершения сельхозуборочных работ, и пропал там без вести. Попытки в течение десяти лет узнать судьбу Матвея результатов не дали.

Родители матери умерли очень рано. Так как мой отец большую часть своей жизни работал служащим и по будням дома не находился, а с 1938 года приходил в семью только по воскресеньям, то нашим воспитанием, обучением трудовым навыкам по домашнему хозяйству и на колхозных работах и контролем учебы в школе занималась в основном мать. Она любила чистоту и порядок, имела приятный голос (часто пела старинные песни), многое знала и умела, что требовалось в крестьянской жизни: кроила и шила на ручной швейной машинке мужскую и ребячью одежду, пряла из шерсти и льна нитки, ткала полотно, вязала кофты и носки, мариновала и солила на зиму овощи. Мать вкусно готовила. Ежедневно она топила утром рано русскую печь, в которой варила еду на день для семьи да и поило для домашнего скота. А у нас всегда были корова, 5–8 овец, поросенок, куры и гуси (позже, когда родители жили одни, они вместо коровы держали козу). При всем этом матери надо было еще работать в колхозе на разных работах, чтобы в колхозной книжке начислялось за год минимум 180 трудодней, иначе не давали лошадь для вывоза из леса дров и сена, поездок на базар в районный центр, для вспашки приусадебного участка, который к тому же могли и отобрать, если не хватало трудодней (закон это позволял), могли не выделить угодий для кошения травы на сено. А вообще, колхозники старались заработать как можно больше трудодней, так как в нашем колхозе они неплохо оплачивались. Поэтому когда мать подряжалась на жатву серпом на определенной площади ржи, пшеницы, овса, то мы – дети – всегда помогали ей, вязали снопы и складывали их в крестцы колосьями наружу для окончательной досушки (крестцы – это своеобразные копны, только здесь снопы укладываются крестообразно один на другой по высоте). Подряжалась мать и «брат» лен (выдергивать стебли льна из земли). Мы тоже всегда принимали в этом участие. Вязали стебли в небольшие снопы,

Мать – Герасимова (Андреева) А. М. (29.10.1896–10.08.1992 гг.) во время работы в 1916 году гувернанткой в семье морского офицера в Кронштадте

расставляли их в поле в «столбцы» по несколько штук в каждом для досушки семенных коробочек, помогали в молотье коробочек и провеивании семян. Ближе к осени снопы развязывали и расстилали стебли по траве около болотистых мест для вылежки во влажных условиях. А поздней осенью после туманных ночей стебли собирали, снова вязали в снопы, сушили, привозили домой и «мяли» в специальном устройстве, ломая стебли на много мелких кусочков, а затем «трепали», освобождая волокна льна от тресты (кусочков твердых стеблей), и вязали волокна в пучки. Работа эта была пыльной и проводилась на улице, чаще около бани и иногда во дворе, причем человек вставал так, чтобы ветер отгонял от него пыль. В холодное и дождливое время приходилось трепать лен в предбаннике (своя баня имелась в каждом дворе). Пучки волокон сдавали специально приезжающим в колхоз заготовителям. Принимая пучки, они всегда стремились занизить их вес и сортность, а потому и уменьшить выдаваемые деньги. Любопытно было наблюдать за этой процедурой. Каждый колхозник отстаивал свою точку зрения, и случались большие споры с приемщиком. Некоторые сдатчики умудрялись дорого продать свой товар, и после отъезда «купцов» это долго обсуждалось. Когда волокна сдавала наша мать, мы (дети) тоже приходили поболтать за нее.

Физически тяжело было на колхозных работах, порой чувствовалась большая усталость, которая, правда, по молодости лет быстро проходила, и я вспоминаю это время с радостью. Мы дружно, с шутками, соревнуясь за максимальную выработку, трудились вместе с матерью или без нее в поле. Все вместе за день выполняли большую работу, и матери в колхозную книжку заносили сразу несколько трудодней. Остается удивляться, как только на все хватало у нее времени и сил. Она достаточно четко показывала и рассказывала нам, что, когда и как правильно надо делать, заставляла учиться у нее, требовала строгого выполнения показанного и заданного. За неисполнение могла здорово отругать, но физически сестер моих она не наказывала. Мне же несколько раз от нее попадало, особенно когда я учился в первом классе, и старшие школьники учили нас курить. Учительница неоднократно жаловалась матери, а та дома требовала дыхнуть на нее, и если вдруг пахло табаком, то мне немедля доставалось веником или мокрой тряпкой. Я на мать не сердился, так как наказание было заслуженным, а курить я и сам не хотел – тошнило и голова болела после курева без привычки, но при старших ребятах не принято было отказываться от курения, так как потом они могли долго над тобой насмеяться и называть маменькиным сынком, молокососом и т. д. Меня и сестер мать многому правильному и нужному в жизни научила, и мы ей очень и очень благодарны.

После внезапной кончины в 1938 году деда мать вдруг сильно заболела. Может быть, это случилось у нее на почве нервного стресса, так как деда (а для матери он был и отец, хотя и неродной) она очень уважала, да и он относился к ней по-доброму. Наверное, иначе и не могло быть, так как дед очень помогал матери (хотя до своей кончины он много занимался колхозными делами и лечением

людей), давал деловые и полезные советы, лечил всех членов семьи и родственников. У матери, как говорили тогда в деревне, «отнялись ноги» и она не могла их переставлять, даже если ее поддерживали. Уход за матерью, топка печки, приготовление пищи себе и домашней живности, уход за ней и дойка коровы легли тогда в основном на отца (хорошо, что в тот период место его службы располагалось всего в трех километрах от дома). Конечно, обе мои сестры и я всячески помогали отцу. Мать, лежа на койке, контролировала нас периодически, спрашивая, сделали ли мы те или иные дела. Ведь у нее последовательность их выполнения закрепились в памяти уже автоматически. Для дойки коровы рано утром и вечером отец повязывал на голову платок матери и надевал ее юбку, иначе корова «отдавала» не все молоко или даже могла лягнуть ногой. А еще надо было утром рано выпустить со двора корову и овец на пастбище при прогоне пастухом стада мимо дома, работать на личном садово-огородном участке, вечером собрать скотину; отцу же надо было, кроме того, еще ходить на работу, сестрам – в школу и учить уроки. Я до 8 лет не учился и потому оставался дома за главного, получив утром команды от отца, сестер и матери, куда и к кому сходить, что и когда сделать. Мы сразу почувствовали, насколько большой груз забот тащила на себе мать.

Отец пытался ее лечить народными средствами, для чего начал изучать книжки (лечебники) своего отца – моего деда, возил несколько раз мать в районную больницу, но без положительных результатов. Так мать проболела почти полгода. Пытаясь как-то ей помочь, отец достал даже путевку «на грязи», в санаторий (Саки, Крым). На телеге довели ее до г. Егорьевска, далее – по железной дороге до Москвы и оттуда – в Крым. Однако и по возвращении из Крыма ей лучше не стало.

Отец прослышал как-то, что в 7 километрах от нас есть бабушка, которую считают колдуньей и знахаркой и которая многих излечивает от всяких хворей. Он поговорил с ней, и она согласилась помочь, если мы никому не будем об этом рассказывать. Мать надо было привезти к ней на временное проживание. Помню, как в мае отец и я с сестрами вынесли рано утром мать из избы, уложили в телегу на солому, как отец притащил живую овцу со связанными ногами (в оплату за лечение) и положил ее тоже в телегу, как мы проводили их до конца деревни и долго смотрели вслед удаляющейся повозке. Мы очень сильно желали выздоровления матери и возвращения ее домой здоровой. Отец в каждое воскресенье навещал мать, носил ей еду и одежду, но по возвращении ничего не сообщал, только лишь говорил, что мать скучает по нам. И вот чудо свершилось. Примерно через три месяца мать практически сама прошла путь в 7 километров до дома, хотя отец приехал за ней на конской повозке. Мать рассказывала потом, что бабушка раз в сутки парила ей ноги в каких-то травяных отварах, а на весь день и на ночь приматывала травы к ногам и укутывала ноги в сухие шерстяные лоскуты. К сожалению, она не расспросила знахарку о применяемых травах, так как была в отчаянии и не верила в свое выздоровление, а только механически подчинялась бабушке. Но через месяц мать стала потихоньку вставать на ноги и только после

этого поверила, что снова будет ходить. С того времени эта бабушка стала для нас очень родной и близкой. Жила она почему-то одна. Мать с отцом раза два-три в год ездили за ней, привозили к нам, и она жила у нас в течение месяца или больше. Звали ее «тетя Катя», она была старенькая, маленькая и горбатенькая, но бодрая и очень добрая, помогала нам много по домашнему хозяйству. Я ее до сих пор хорошо помню. Бабушка «поставила на ноги» многих тяжело или безнадежно больных, но неохотно рассказывала про траволечение, так как тогда за официально не разрешенное государством применение трав многих арестовывали, судили и сажали в тюрьмы, как если бы они специально этими травами увечили народ, строящий впервые в мире самый прогрессивный строй – социализм и коммунизм – при бесплатной медицине. А слово «знахарь» означало что-то антисоветское, имея подтекст врага народа.

Когда я уже работал во ВНИИЭФ, то мать и отец переехали в 1958 году из деревни жить ко мне – в мою семью, а в 1989 году моя старшая сестра Клавдия взяла мать (отец уже скончался) из Арзамаса-16 в г. Шевченко (теперь Актау, «Белая гора») в Казахстан. Там муж Клавдии работал на строительстве, а потом на обслуживании опреснительных ядерных реакторов на берегу Каспийского моря. Там же мать и была похоронена в 1992 году. Клавдия рассказывала, что накануне вечером они попили чай, поговорили, мать ни на что не жаловалась, а утром сестра обнаружила ее умершей. Случилось это на 96-м году ее жизни. Получив сообщение, я мгновенно собрался и поехал в бывшую союзную республику СССР, успев точно к началу траурных процедур. Уже тогда в Казахстане я почувствовал резкие проявления насаждаемого национализма и подогреваемую вражду к русскому населению. А за два года до этого, когда я был в гостях у сестры, русских встречали как родных братьев и любезно отвечали по-русски на любые вопросы. Да это и понятно, ибо город Шевченко родился благодаря подвигу именно русских строителей и русских рабочих. Вначале сюда возили все: продукты, цемент, воду – кораблями из Баку, землю – из Астрахани, даже песок для бетона и растворов, так как местный пустынный для этого не годился. Шевченко стал городом-садом среди безжизненной пустыни на берегу чистого и холодного, как Байкал, Каспийского моря. Пробовал я искупаться в такой воде! Брр... Придонные течения выносят глубинные холодные воды к берегу, где их не может прогреть даже здешнее горячее солнце. Город получил Большую золотую медаль ЮНЕСКО за обживание местности, не пригодной для жизни. Теперь же многие казахи делали вид, что русский язык не понимают вообще, начало подогреваться мнение, что русские постоянно обирали Казахстан, в связи с чем население живет бедно и т. д. Русских стали грабить на улицах даже днем, обворовывать квартиры. Найти защиту у местных органов стало практически невозможно. Семья сестры вынуждена была уехать из Шевченко в 1998 году, как и многие их знакомые русские. И теперь за могилой матери никто не ухаживает.

Отец, Иван Акимович, 1897 года рождения, тоже местный. Он был единственным сыном (о его родителях подробнее сказано в главе 3) и в 1923–1929 го-

дах регулярно выезжал на сезонные заработки плотником и столяром в Подмосковье, будучи завербованным на этот период Московским строительным обществом уездных советов (МОЗО, так сохранилось это название на одном из документов отца того времени). Осталась фотография папы той поры в составе бригады строителей, держащего в руках электродрель (редкий тогда инструмент).

Нас отец никогда не наказывал. Однако мог очень аргументированно, ясно и доходчиво объяснить, что плохое делать нельзя и к чему это в будущем может привести. С начала 1930-х годов он стал работать в райпотребсоюзе (так тогда назывались все торговые точки в сельской местности). Магазин, в котором он был заведующим, находился в деревне Дунино в 3 километрах от нашей деревни. Возвращения вечером отца домой мы очень ждали, так как он почти всегда приносил сладости и другие гостинцы. А часто в начале деревни его дожидались и другие деревенские ребяташки, зная, что у «дяди Вани» при себе бывают конфеты и он их обязательно угостит. Отец любил и понимал вообще всех детей, умел разговаривать с ними на их языке. Иногда и сестры, и я бегали к нему в магазин, особенно часто это делал я. И там мы становились хозяевами полок и ящиков с различными сладостями – печеньем и конфетами. Нередко отец приходил с работы выпившим, за что мать его всегда ругала. А выпивал он потому, что очень любил речную рыбу. И, когда вечером шел домой через деревню Чебукино, то с бутылкой водки заходил к кому-нибудь из знакомых рыбаков-профессионалов. Сообща они выпивали бутылку, наверное, добавляли еще, после чего отец брел, покачиваясь, домой, нагруженный рыбой – карасями, щуками, линями, которых в то время в Пре водилось достаточно много. О чистоте же воды реки можно судить по обилию тогда в ней раков, которых не считали деликатесом и практически не ловили и не ели. Да и зачем «ковыряться» в каком-то страшном существе, когда можно приготовить на выбор свежую речную крупную мясистую рыбу!

Отец, как и мать, имел приятный голос и часто пел старинные народные песни и романсы. Последние официально не поощрялись, петь романсы считалось мещанством и бескультурьем. Мне же нравились их красивые чувственные мелодии и слова. Запомнились в его исполнении романсы «Отцвели уж давно хризантемы в саду...», «Как у нас под окном расцветает сирень, расцветут и душистые розы. В моем сердце больном пробудилась любовь, пробудились и ранние грезы...», «Была весна, мы встретились с тобою, я молод был, а ты еще дитя. И в двух сердцах у нас открылась тайна, и мы влюбились друг в друга не шутя...». Последние два мелодичных романса мне нравятся до сих пор, хотя полностью я слов не знаю и нигде не могу их найти. Любил он и песни «Не брани меня родная...», «То не ветер ветку клонит...» и другие.

Отца в 1938 году перевели из торговли по указанию райкома КПСС (хотя он не был ее членом) на работу в районный финансовый отдел, сначала инспектором, а потом – заведующим. Наверное, это сделали по согласованию с отцом и по указанию первого секретаря районного комитета КПСС И. И. Щербакова, выходца из нашей деревни, с которым отец дружил с детства. Отец узнавал от

него много новостей о событиях за рубежом, в наших краях и вообще в стране, которые обычно открыто не сообщались. Сведения эти он, как правило, другим лицам не пересказывал, нам же кое-что говорил, только просил об этом помалкивать. У нас дома И. И. Щербаков бывал достаточно часто, иногда ночевал, приезжая из райцентра на прикрепленной к нему автомашине «эмке» с шофером. Вообще, любая автомашина в то время являлась редкостью, поэтому деревенская ребятня сбегалась посмотреть на это чудо, стоявшее около нашего дома. Я на правах хозяина ходил гордый вокруг автомобиля и позволял пацанам потрогать любые наружные его детали. Иногда шофер сажал ребятнишек в машину и возил их по деревне.

Когда началась Великая Отечественная война, отца почему-то назначили заместителем начальника военкомата, где он проработал до марта 1942 года, а затем его призвали в армию в возрасте 45 лет. Прощаясь с семьей, отец при всех сказал, чтобы я теперь, как единственный мужчина в доме, берег женщин – мать и сестер – и помогал им, ибо знаю и умею делать много деревенской работы. Это возвысило меня в моих глазах, и я сразу попросил отца разрешить мне курить, что он и сделал. Уже на другой день я начал учиться делать из обрывков газет самокрутки, а иначе что я за деревенский мужик, если не курю. Тогда никакой агитации против курения не велось и о его вреде не говорилось. Поначалу было очень плохо от курева, тошнило, болела голова, потом привык, так и втянулся. Стал замечать в курении даже что-то полезное. Например, дым немного помогал отгонять комаров и мошек на полевых работах, особенно утром рано при косьбе, так как правило «коси коса, пока роса» оставшимися в деревне стариками неукоснительно соблюдалось. Мать постоянно ругала меня, требовала бросить курить, ведь я должен был учиться еще только в 4-м классе. Деревенские мужики выращивали табак на своих огородах, осенью срезали растения, вязали в пучки, вешали для сушки на чердаки и по мере надобности мелко рубили в деревянных корытах, просеивая затем через решета с разным размером ячеек. В зависимости от размера фракций это позволяло получать разного качества и сорта табак. Это делал и я. «Высший» сорт из листьев курили сами хозяева, а низший (в основном из стеблей) – те, кто просил «угостить закурить». В школу я тоже прихватывал кисет с табаком, и на переменах ученики втихаря дымили во дворе школы за хлевными и сарайными постройками (часть учителей жили при школе и держали здесь личный скот, дрова и некоторые вещи), причем курящих мальчишек уже в начальных классах было много. Учителя периодически ловили нас за этим занятием, стыдили и ругали, сообщали родителям, но делали они это, в первую очередь, потому что боялись случайного возгорания деревянных строений.

А вообще отец в армии уже был. В 1916 году его призвали в царскую армию, он служил в Ярославле в запасном понтонном батальоне и демобилизовался в начале 1918 года в советское время. В конце 1918 года его призвали уже в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию (РККА), и он служил помощником командира взвода в Москве в инженерно-саперной части. В 1919 году воевал под Архангельском против белых (против Врангеля), а в 1923-м был демобилизован.

В 1942 году отца сразу направили на фронт в саперное подразделение стрелковой дивизии. Участвовал в боях под Псковом и Мгой, когда гитлеровские войска продвигались к Ленинграду, был в армии под командованием генерала А. А. Власова (родившегося в г. Гагино Нижегородской области), который приказал всему личному составу армии, окруженной немецкими войсками, сдать-ся в плен. Небольшая часть войск отказалась это сделать и с боями пробивалась из окружения. Среди них находился и отец. Очень мало солдат дошло до своих позиций. Всех выживших тут же арестовывали как предателей. Дело каждого рассматривал военный трибунал, абсолютное большинство расстреляли, и только малую часть из них направили в штрафные батальоны. Отца в числе немногих оправдали, и он считал, что немалую роль сыграло то, что буквально накануне окружения он вступил в ряды КПСС, хотя при повальном отступлении наших войск желающих стать коммунистами было чрезвычайно мало, так как попавших в плен к немцам большевиков уничтожали в первую очередь. После этого отец воевал в составе Первого белорусского фронта под командованием маршала Г. К. Жукова, освобождал Белоруссию, Польшу, участвовал во взятии Варшавы, Берлина и ряда других городов. За время войны был два раза ранен и два раза контужен. Демобилизовался в июле 1945 года в звании старшего сержанта – командира саперного отделения. Он награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, Славы I и II степени, медалями «За отвагу», «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина» и другими. Сохранилось много благодарностей от имени Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина и от командования воинских частей. Я узнал о возвращении домой отца в августе 1945 года, находясь на расстоянии 25 километров от деревни на заготовке сена около лесных болот Мещерских лесов, куда бригада косарей из стариков и подростков выехала на 20–25 дней с ночевками в палатках и шалашах. Это практиковалось всегда в колхозе, если председатель решал, что на заливных лугах Пры (а разливалась она обычно весной в низине на 8–10 км) травы окажется недостаточно для заготовки сена на зиму. Сено из Мещерских лесов вывозили лишь зимой после морозов по еще неглубокому снегу. Для этих

Отец – Герасимов И. А. (15.08.1897–14.03.1962 гг.) – солдат царской армии в 1917 г.

целей в лес через день утром рано отправлялся обоз из 10–20 саней. Возвращался он, загруженный сеном, поздно вечером, и около правления колхоза его уже ждали назначенные люди, чтобы заменить уставших и озябших возниц, распрячь, напоить и накормить лошадей, а также быстро разгрузить сено около скотных дворов. Мы, ребяташки, всегда участвовали в этих встречах, нам нравилась дружная работа колхозников. Иногда нас просили в чем-то помочь, чаще всего – развязать веревки, которыми уложенная сверху на сено жердь прижимала его к саням, чтобы оно не слетало в дороге с воза. А главное, нам позволяли затем в кучах сена поиграть какое-то время в прятки и догонялки. Как правило, раз в 3–5 дней приезжал на это временное поселение из деревни обоз с продуктами и новостями. Когда мне сказали, что вернулся отец, я бросил косу и побежал 25 километров лесом домой. А это были безлюдные девственные красивые леса из смешанных пород деревьев и кустарника. (Говорили, что за 15 километров от наших шалашей располагались полигоны для обучения военных летчиков бомбометанию.) Лишь в одном месте на полпути стояли у дороги два жилых, огороженных высоким крепким забором, добротных рубленых дома лесников (называли это место «кордон»). Запомнилось мне это место тем, что примерно через полтора часа я сильно захотел пить, но свернуть с дороги и поискать низину с водой не захотел – боялся заблудиться или встретить диких зверей. Поэтому, увидев жилье, очень обрадовался и тут же постучал в первый дом. Вышла женщина с двумя ребяташками и собакой. Конечно, напоила меня, расспросила, откуда и зачем бегу разутый и со старыми ботинками в руках, предложила зайти поесть. Я ответил на ее вопросы, поблагодарил за угощение и помчался дальше. (Интересно, что через год я встретился с ними в их же доме, когда мы с отцом ездили к ним на телеге за бочкой соленых грибов в обмен на полушубок, о чем отец предварительно договорился с лесником, которого знал еще с довоенных лет.) Когда я прибежал домой, отец крепко спал. Я тихо встал рядом с койкой и смотрел на живого, но постаревшего отца. Внезапно он проснулся, мы обнялись и долго стояли так, не говоря ни слова.

При вступлении наших войск на территорию Германии солдатам и офицерам разрешили из захваченного имущества отправлять домой посылки. От отца мы тоже получили три посылки, главным образом с тканями, так как за время войны одежда здорово поизносилась и шить ее было не из чего. В основном мать и сестры ремонтировали и перешивали старую одежду. А тут пришла очень качественная и разнообразная ткань. Мне отец тоже прислал костюм из чистощерстяной ткани, очень легкий и теплый, который первоначально был мне великоват, но затем я подрос и стал ему очень рад, ибо никогда однотонных пиджака и брюк не имел. Особенно здорово костюм пригодился в техникуме. А пиджак до сих пор еще ношу на огороде, особенно во время дождя, потому что ткань слабо пропитывается влагой. Ткань эта и спустя 65 лет смотрится как новая. Но особенно я радовался немецкому цейссовскому полевому биноклю с 12-кратным увеличением. Мне завидовали все деревенские мальчишки, и потому бинокль

всегда был «в использовании». Но в 1947 году у меня его украли прямо из дома. Соседи видели заходившего в наш дом одного парнишку (двери тогда не запирались) и затем выбежавшего из дома с чем-то в руках. Этот парень иногда приезжал сюда погостить к родственникам на лето. Я тут же пошел к нему с требованием вернуть взятое, но он категорически от воровства отпирался при поддержке родных. А так как биноклем пользовались в деревне многие ребята, то я рассказал им о краже и воре. Слух быстро облетел всю деревню. К парню все приходили с требованием вернуть бинокль. Но... увы! С тех пор этот парень в деревню не приезжал, и я его больше никогда не видел.

Через какое-то время после возвращения с войны отец спросил мать про посылки и отрез красной ткани, присланной в одной из них, не шила ли она что из нее. Мать сказала, что еще руки не дошли до этой ткани. Тогда он попросил достать ее, так как вроде бы она может оказаться сильно горючей, об этом их в армии извещал политрук. Отрезав небольшой кусочек ткани, отец поднес к ней спичку, и ткань вспыхнула как порох. После этого он взял весь сверток и вместе со мной вышел в огород к бане, положил сверток на траву и бросил на него издали горящую спичку. Ткань буквально вспыхнула, опалив отцу брови, хотя стоял он, как знающий сапер, на значительном расстоянии от огня. Зачем, для чего и кому потребовалась такая красивая, но огнеопасная ткань, не пойму до сих пор. Вернувшись в дом, мы рассказали все это матери. Слава Богу, что из ткани она ничего не успела сшить. Правда, мать еще долго сетовала, потому что с ее точки зрения ткань можно бы как-то спасти, например, хорошо вымочить и прополоскать и, наверное, «горючка» бы вся пропала.

Во время войны отец не один раз чудом оставался живым, как будто кто-то взвездной хранил его. О некоторых чрезвычайных ситуациях он иногда рассказывал нам, но делал это очень неохотно. Было видно, что вспоминать о фронтовых событиях ему очень сложно и тяжело. Тем не менее отец считал, что на войне он остался жив только благодаря своему опыту в двух предыдущих армейских компаниях. В частности, при минометно-артиллерийском обстреле наших передовых позиций (о чем практически всегда узнавали из разведданных) отец вместо укрытия в блиндажах и окопах перебирался со своими бойцами на нейтральную полосу, где они залегали в оставленных окопах, воронках или природных углублениях местности. А если врага отделяла река, то отец с бойцами переплывал ее и прятался на время обстрела у противоположного берега. А как-то немцы сделали минное ограждение, установив мины новой конструкции, о которой не было еще известно. Направленные на разминирование три группы саперов подорвались. Чтобы разгадать причину этого, отец взял с собой еще трех бойцов и пополз с миноискателем на разминирование сам. Обнаружив первую мину, отец приказал всем бойцам укрыться. Сам же сверхосторожно мину откопал и увидел ее необычную форму. Долго размышлял, как ее вынуть из грунта, и нашел нужный прием. Потом объяснил это бойцам, и они провели благополучно разминирование, обеспечив безопасный участок для успешного наступления на-

ших войск. Как потом установили, он нашел единственный безопасный способ извлечения из земли мин новой конструкции. Этот опыт оперативно распространили в армии, что спасло жизнь многим воинам, а отца наградили медалью «За отвагу».

При освобождении Польши отец попал под военный трибунал. По возвращении после контузии из госпиталя в свою часть его в тот же день назначили исполнять обязанности командира саперной роты, так как накануне в блиндаж попал немецкий крупнокалиберный снаряд и весь комсостав роты погиб. Солдаты, которые раньше служили вместе с отцом, решили отметить его возвращение на передовую выпивкой. Собралось около 15 старослужащих. На вопрос, что будем «принимать», ответили: «Спирт». И рассказали, что недавно наши войска заняли польский спиртзавод, а они проводили там разминирование территории и прихватили небольшую бочку спирта, которую уже несколько дней транспортируют в конном обозе (лошадей и повозки взяли в каком-то поместье после бегства богатых его хозяев вместе с отступившими немцами). Разлили спирт по стаканам и только приступили, как появился вестовой командира полка и передал приказ отцу немедленно явиться в штаб. Отец утверждал, что он выпил из стакана не более 50 граммов, взял в руки лопот хлеба, вскочил на лошадь и поскакал в штаб. А там вдруг ему стало плохо, в глазах замелькали какие-то черные сетки, стало сильно давить в висках, и комполка немедленно вызвал медиков. Те тут же промыли отцу желудок, дали каких-то таблеток, а для их закрепления заставили выпить 100 граммов настоящей водки и закусить салом. После этого отец уснул. Оказалось, что пили они метиловый спирт (метанол или древесный спирт) и что шесть человек умерло, а столько же увезли в лазарет и их удалось спасти. Тут же военная прокуратура начала расследование, и через два дня отца арестовали. А еще через неделю состоялся суд, оправдавший отца, так как в день выпивки он еще не успел официально приступить к своим обязанностям.

Недели три после возвращения домой в 1945 году отец нигде не работал и приводил в порядок обветшавшее за время его отсутствия хозяйство. Курил отец мало, в то время как я беспрестанно крутил из газет самокрутки, набивая их своей махоркой. Дымил, правда, вне дома. И вот как-то он спросил меня – зачем я курю? Ведь это дурная привычка. А я никогда и не задумывался об этом, так как в деревне практически все мужчины курили, а агитацию против курения никто никогда не проводил. Я и ответил ему, что так принято, все мужчины курят. «Это полезно или вредно?» – задал он очередной вопрос. А я об этом тоже не размышлял. «Знаю ли я, что такое дым?» – последовал последний вопрос. «Пар», – лихо выпалил я. «Нет», – сказал отец. – «Зимой, если даже не куришь, ты видишь конденсирующиеся на морозе выдыхаемые пары из легких. А летом какой же это пар? Ну-ка, покажи мне летом пар!».

И продолжил дальше: «Ты же видел около железной дороги обилие шлама и как дымят паровозы; в топку котла непрерывно подбрасывают каменный уголь, а остаются после его сгорания – зола и шлак. Их мелкие частицы улетают через

трубу в воздух в виде дыма и оседают на землю и растительность. Крупные куски шлака выбрасывают из топки около полотна или в специальные места. Так вот курение это точно такой же процесс. Часть продуктов сгорания табака ты стряхиваешь в виде пепла, а часть – оседает при каждой затяжке в легких. Сейчас я тебе докажу это». Он взял чистый носовой платок, сложил его несколько раз, свернул самокрутку и закурил. Набрав в рот дым, он выпустил его в воздух через слою платка и показал мне оставшееся на нем серо-желтое пятно. Затем он проделал то же самое, но затянув дым в легкие. Пятно на платке было уже намного светлее. «Вот так с каждой затяжкой ты оставляешь в легких много гари. Кроме того, газеты печатают с использованием краски, содержащей свинец и цинк. Они тоже с дымом концентрируются в легких. Вот почему курильщики постоянно кашляют, у них развиваются разные болезни – туберкулез и чахотка, рак. В подтверждение сказанному он сходил в соседский дом и принес оттуда микроскоп с 75-кратным увеличением. Затем положил на предметное стекло микроскопа платок с пятном, настроил микроскоп на наилучшую резкость и дал мне посмотреть. Боже мой! Я увидел на платке вперемешку с большими лужами желтоватой жидкости обилие черно-серых валунов с острыми выступами и краями, что сразу мне напомнило полотно железной дороги со шлаком. Я в страхе несколько раз менял положение платка с осадками от дыма и настраивал микроскоп на максимальную четкость. «Вот видишь, что ты с дымом засасываешь в легкие и оставляешь в них. Камни – это шлак, а желтые потеки – никотин, очень сильный яд. Никотина от одной затяжки достаточно для смерти лошади. А ведь это только от одной затяжки. А ты при выкуривании только одной самокрутки делаешь до 30 затяжек, а употребляешь их ты в день тоже до 20–25 штук. Увиденным и услышанным я был буквально потрясен. До сих пор стоят перед глазами груды этих валунов и камней внутри моих легких. И я решил немедленно бросить курить, о чем и заявил отцу. Тут же высыпал из кисета табак и отряхнул все карманы. Висевшие на чердаке пучки табака я решил тоже выбросить. Самосад (табак) на грядках я выдернул и выбросил. Позднее я понял, что, по-видимому, к такому разговору о вреде курения отец специально готовился, чтобы логичными доводами ошеломить меня и заставить раз и навсегда бросить курить. Он мог бы в качестве примера привести сжигание дров в печке, но я к огню в печке психологически привык, и посему это не сильно убедило бы меня, поэтому он выбрал именно дымящий паровоз и продукты сгорания в его топке. Может, он это помнил от деда, который сам не курил и быстро отучал от табака помощников, которых ему давали для ухода за пасекой и колхозным, бывшим барским, садом.

А однажды в 1945 году пришел к нам в дом посыльный из правления колхоза и сказал, что Ивана Акимовича срочно требуют явиться в помещение правления и что там приехало много каких-то военных на нескольких автомобилях. Отец заволновался, посидел немного, подумал-подумал и, собрав нас всех, произнес, что, наверное, прибыли арестовывать его в связи с бывшей службой в армии генерала Власова (см. главу 2). Затем переоделся в чистое белье и надел

гимнастерку, прикрепив к ней ордена и медали. Сказал, что, если не вернется, то надо... и отведя в сторону мать, что-то несколько минут тихо ей наказывал, а затем спешно пошел, запретив сопровождать его. Мы с тревогой остались ждать развития событий, часа через два мать попросила меня осторожно сходить в бывший помещичий дом, где размещалось правление колхоза (это примерно в 250 метрах от нашего дома), и разведать происходящее. Я пробрался к барскому дому и сильно удивился, увидев около него четыре американских автомобиля «Виллис» и услышав веселые голоса из дома через открытые окна, в том числе и отца, а также громкие выкрики: «А помнишь?.. А знаешь?.. А вот как-то!..». Я ожидал стать свидетелем драмы, а тут было что-то явно противоположное. Тогда я осмелел и зашел в правление. А там на покрытом газетами столе стояли какие-то необычные бутылки с напитками и много разной закуски. Вокруг стола на скамейках сидели военные в основном в иностранной военной форме с погонами. Все уже были навеселе. Я медленно подошел к отцу. Он увидел меня и сказал всем, что я его сын, затем наказал бежать домой и сообщить матери, что все очень хорошо и что много людей вскоре придет к нам и чтобы мать приготовила домашней закуски и сварила большой чугунок картошки в кожуре. Увидев меня быстро бегущим по пыльной дороге, мать предположила самое плохое, обхватила руками голову, начала причитать и чуть не упала в обморок, а сестры стали реветь. Тогда я стал громко кричать, что все очень-очень хорошо, отца не арестовали, и рассказал им все об увиденном.

Оказалось же следующее. Семья помещика Анциферова жила после 1917 года в Австрии. Там его сын, одноклассник моего отца по церковноприходской школе, окончил военное заведение и поступил на службу в австрийскую армию. В 1944 году Австрия объявила войну Германии и выгнала немцев с помощью наших войск со своей территории. Сын помещика в чине полковника принимал самое активное участие в борьбе с фашистами, а по завершении войны приехал в составе австрийской делегации в СССР для переговоров о заключении мирного договора и о дальнейшем нейтралитете Австрии. После успешного завершения всех переговоров полковник попросил разрешения посетить вместе с членами делегации, говорящими на русском языке, родовое имение своего отца, и в сопровождении двух советских полковников приехали на автомашинах в нашу деревню. К концу дня вся уже веселая кампания прибыла к нашему дому, и «заседание» продолжилось. Они привезли очень много выпивки и разнообразной консервированной еды, неведомой доселе для сельских жителей. Но на стол попросили лишь «вкусной русской картошки, квашеной капусты, соленых огурцов и грибов». Все это гости умяли с огромным удовольствием. Картошки пришлось варить еще. Ее они ели с кожурой, говоря, что так полезнее и вкуснее, над чем я и сестры очень смеялись и долго это вспоминали. Нашу семью тоже усадили за стол. Говорили, в основном, мой отец и полковник, вспоминая то далекое прошлое и прожитое, людей в деревне, разные события и школьные годы. Остальные только слушали. Поздно вечером начали петь русские песни, причем

оказалось, что австрийцы много их знают. По-видимому, они имели российские корни. Помню, первая песня была «То не ветер ветку клонит», затем – «Тонкая рябина», «Катюша». Спать все остались у нас: кто – в доме, кто – на сеновале, а кто-то – в машинах. На следующее утро, опохмелившись, поехали в соседнюю деревню смотреть место, где когда-то стояла церковноприходская школа, затем – завернули в ближайший лес. Я тоже поехал с ними. А возвратившись, поехали на реку ловить бреднем рыбу. Благо рыбы тогда в Пре водилось еще много. Для иностранцев было чудом – залезть в воду по горло и тянуть бредень. Все попробовали по очереди сделать это. Быстро наполнили три ведра, в основном карасями, и компания вернулась варить уху, разведя костер в огороде. Опять вспоминали прошлое, рассказывали друг о друге, говорили, что после разгрома фашистов станет в мире все спокойно и без войн, взаимных подозрений, а Советскому Союзу окажут большую помощь в восстановлении разрушенного народного хозяйства, как понесшему максимальные людские и материальные потери. На другой день перед отъездом в Москву австрийский полковник оставил отцу свой адрес и пригласил его на следующий год в гости в Австрию, лучше с семьей, пообещав оплатить дорогу туда и обратно. А еще полковник пообещал по приезду в Австрию выслать отцу серию фотографий своих детей и родственников. Распрощавшись, гости уехали, оставив к нашей радости много сладостей и консервов, и около десятка бутылок вина.

А через несколько дней к отцу прибыли из районного центра три человека, показали свои документы и попросили мать уйти из дома (нас дома не было); они беседовали с отцом около двух часов, затем уехали. Отец неохотно и мало что говорил об этой встрече, кроме того, что эти люди были из милиции, что они задавали ему много разных вопросов, отобрали адрес полковника и сказали, что с заграницей связь поддерживать запрещено, письма из Австрии он получать не будет, а если ему попадут через иных лиц какие-либо сведения из-за границы, то он обязан немедленно информировать об этом органы милиции. Отец подписал документ, что он ознакомлен с такими правилами и обязуется вести себя именно так, как подобает советскому человеку, а тем более коммунисту. На этом внезапно восстановившаяся через 28 лет связь отца с другом дореволюционного детства опять, теперь уже окончательно, оборвалась.

Примерно через месяц после демобилизации отца вызвали в райком партии и предложили (фактически приказали) приступить к работе в должности начальника продовольственного снабжения вновь реанимируемого предприятия (Ненашкино) по добыче торфа, очень нужного для котельных теплостанций Подмосковья и средней полосы России. Как дисциплинированный член партии отец немедленно приступил к работе. Предприятие находилось от нас на расстоянии 18 километров и добираться до него надо было пешком, что отец и делал еженедельно туда утром рано по понедельникам и обратно поздно вечером по субботам, а в остальные дни жил там на квартире. Однако оказалось, что рабочих на предприятии практически нет, потому что из колхозов людей в

промышленность не отпускали, хотя многие бы охотно поменяли колхоз на торфопредприятие. И отцу пришлось ехать в Орловскую область и вербовать там живущих в землянках людей (разрушенные в период войны дома не были еще восстановлены) на переезд в нашу местность с правом проживания в бараках для работы по добыче торфа. Отец отсутствовал примерно месяц, в течение которого мы получили от него одно или два письма. Как-то в воскресный день (я учился в 7-м классе) я залез на крышу амбара, чтобы закрепить там несколько досок, поврежденных сильным ветром, и увидел отца идущего огородами, какой-то странной дергающейся походкой. Я быстро соскочил с крыши и, так как никого дома не было, побежал ему навстречу. Еще метров за 30 отец стал кричать мне, чтобы я не приближался к нему. Я встал как вкопанный. Каких только странных мыслей не проскочило у меня за то короткое время: отец сошел с ума, может его побили, чем-то отравили, сильно перепил накануне и т. д. Отец медленно подходил ко мне, и я видел, что лицо его нормальное, он не пьян, вроде бы здоров. Метров за пять он остановился и сказал: «Здравствуй, сынок». Затем спросил, есть ли кто дома, и я ответил, что только я. Спросил, топили ли вчера баню, я подтвердил и это. «Значит, еще не совсем выстудилась», – произнес он, не переставая дергаться. Затем попросил быстро притащить со двора поленья и несколько ведер воды из колодца и растопить печь в бане. Когда минут через 20 в бане потеплело, отец сбросил с себя полушубок. Боже мой! До сих пор перед глазами стоит толстый слой копошащихся по всей поверхности меха вшей так, что ворсинки меха колыхались. Такое трудно себе представить, хотя для деревенского жителя вши не такая уж редкость, особенно в военную пору, когда через деревню проходили массы завшивленных беженцев из оккупированных немцами территорий. Но увидеть этакое количество паразитов было невообразимо. Отец между тем спешно снял обувь и носки, потом – остальную верхнюю одежду, нижнее белье, сложил всю снятое в кучу, облил керосином и поджег. Затем он побежал в баню, крикнув мне, чтобы я принес ему свежее белье, обувь и верхнюю одежду.

Вскоре стали приезжать с Орловщины семьи завербованных. Началась интенсивная добыча и переработка торфа, поставка его потребителям. Я несколько раз ходил к отцу на торфопредприятия, чтобы посмотреть, как ведутся такие работы. Нужно отметить, что по тем временам это было передовое производство, так как лопатами торф не копали, а размывали его сильными струями воды из перемещающихся на гусеничных тракторах установок или кое-где вручную из брандспойтов типа пожарных, и пульпа (крошки торфа с водой) закачивалась насосами и транспортировалась далеко по лоткам к оконечному пункту. Здесь пульпа отжималась от воды, торфяная крошка и масса подсушивались, и из оставшейся массы специальные установки прессовали очень твердые «лепешки» диаметром около 10 см и толщиной 2,5 см. Я приносил не раз домой по десятку таких лепешек, и они в русской печи на кухне и в «голландке» в горнице очень ярко и долго горели, показывая свои высококалорийные преимущества перед обычными дровами. Отца еще несколько раз посылали в командировку

на вербовку рабочих, но он категорически отказывался. Нужно отметить, что должность отца позволяла в те трудные и вообще-то голодные годы восстановления разрушенного хозяйства страны и карточно-распределительной системы доставать дефицитные тогда сладости и мучные изделия. Правда, отец этим не злоупотреблял, но, тем не менее, нам изредка кое-что перепало. Однако мне, начиная с сентября 1946 года, доставаться из этого дефицита стало меньше, так как я поступил учиться в техникум в Рязани и уехал из дома. Отец проработал на торфопредприятии четыре года, после чего перешел на подобное новое производство (Радовицкий мох). Строительство большого поселка («Радовицкий») началось в густом лесу в 13 километрах от нас, куда проложили затем железную дорогу для вывоза торфа, в первую очередь на Шатурскую ТЭЦ. Говорили, что толщина слоя торфа там достигает 15 метров. Я несколько раз летом, когда приезжал на каникулы из техникума, ходил в этот поселок к отцу посмотреть на торфопредприятие. Работа здесь действительно кипела, как по строительству жилых и производственных зданий, так и по корчевке леса для создания полей добычи торфа. Здесь отец проработал еще четыре года, большую часть заведующим складами промышленного оборудования и материалов для предприятия. После этого он вернулся в деревню, и работал продавцом в магазине до переезда ко мне в Арзамас-16 в 1958 году.

Любимым «сообщником и собеседником» отца стал большой рыжий кот Рыжик, который сопровождал его всюду по деревне, в том числе находился днем с отцом в магазине. Отец говорил, что кот все понимает, говоришь ли ему или только бессловесно думаешь о команде. Я сам неоднократно убеждался в этом и не понимаю, как кот воспринимал и перерабатывал информацию. Нужно отметить, что отец любил вообще всех домашних животных и птиц и в свободное время кормил их, мог долго наблюдать за их поведением и «разговаривать» с ними. Поэтому никакую домашнюю живность, вообще-то выращиваемую на мясо, сам забить не мог. Мать для этого приглашала других деревенских мужиков. Спал кот вместе с отцом, у него в ногах. «Работает, как хорошая грелка», – говорил отец. Когда я во время отпусков приезжал в деревню, то мы, наряду с рыбалкой, ходили и за грибами в лес, находившийся примерно на расстоянии полутора километров. Все называли этот протяженный участок леса осинником, хотя осин в нем было очень мало, а больше – сосен, елей и берез. Кот всегда со-

Отец с котом Рыжином

проводил нас (хотя мы его не звали) до самого леса, а дальше глядел, как мы удалялись в заросли. Где-то тут он прятался, обязательно дожидаясь нас, нередко в течение 4–5 часов. Мы опасались, что кот попадет в лапы лис, которых в округе водилось очень много. Но все благополучно обходилось. Когда же мы выходили с корзинами грибов из леса часто на расстоянии до километра от места входа в него, где остался Рыжик, то видели мчавшегося навстречу нам радостного кота с как бы упрекающим выражением на морде из-за нашего долгого отсутствия. Удивительно, но создавалось впечатление, что кот будто бы дистанционно сканировал наше передвижение по лесу и знал, где мы находимся и где выйдем из леса.

Небезынтересно, что когда я начал оформлять документы для переезда родителей ко мне в Арзамас-16 (тогда обычно говорили «на объект»), то понадобилось свидетельство об их браке. А они и забыли, что лишь обвенчались в 1924 году, о чем и сделана запись в сохранившейся церковной книге, а свой брак никогда в государственных органах не регистрировали. Мать просто взяла и изменила сама свою фамилию на мужнюю. Пришлось родителям в 1958 году в первый раз регистрировать свой брак в ЗАГСе как молодоженам. Я неоднократно шутил над ними, говоря, что, если бы им назначили трехмесячный испытательный срок для подтверждения своей любви после совместного проживания в течение 34 годов без всяких росписей, то я бы ждать их не стал и уехал без них. Отец вместе со мной тоже смеялся над этим, а мать почему-то заводилась и ругала нас.

Родители после приезда в Арзамас-16 жили вместе с нами (я, жена и трое детей) в двухкомнатной квартире. Конечно, было тесно, и отец как участник войны попросил через некоторое время соответствующие организации выделить ему отдельное жилье. Это предложение поддержали по моему заявлению общественные организации и руководство ВНИИЭФ. Родителям выделили бесплатно

Мать и отец с внучкой Дашей

благоустроенную однокомнатную квартиру на втором этаже на ул. Александровича, чему они очень обрадовались. Сейчас трудно представить, чтобы вот так, сравнительно просто, решался как когда-то в советское время вопрос с обеспечением жилплощадью ветеранов войны.

Отец умер от рака желудка и похоронен в 1961 году в Арзамасе-16. Кроме ряда его орденов и медалей, некоторых документов и рукописных записей сохранились у меня благодарственные письма военной поры от Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина и командиров воинских частей и фронтовая ложка из нержавеющей стали, доставшаяся отцу как трофей еще на территории освобождаемой Белоруссии и с которой он дошел до Берлина и вернулся домой.

3. ДЕД И ЕГО БРАТ

Мой дед (по отцу) – Аким Андреевич Герасимов – родился в нашей деревне. Он окончил церковноприходскую школу, а затем на средства помещика Анциферова – гимназию и какое-то медицинское заведение в губернском центре – Рязани. После этого деда направили в армию, там он дослужился до чина лейб-штабс-капитана медицины (так записано в документе) и работал полковым врачом. Во время русско-германской войны деда сильно контузило в начале 1917 года с потерей памяти, нарушением вестибулярного аппарата и невозможностью самостоятельно передвигаться. Его отправили куда-то в госпиталь, и родные два года не имели никаких известий о нем, хотя продолжали упорно его искать, ибо имели сведения от очевидцев, что Аким Андреевич жив. Нашли его, неходячего, в 1919 году в госпитале в Ярославле и привезли домой. Здесь, наверное, стали помогать деду родные стены, к нему вернулась память, а знание медицины обязывало его двигаться. Он начал лежа заниматься физическими упражнениями, просил делать ему массаж. Через два года встал на ноги и сам начал лечить местное население. Он пользовался большим авторитетом, люди приходили к нему издалека за разными советами и практической помощью. Дед много времени уделял садоводству, завел пасеку. У нас при доме благодаря ему появился настоящий сад. Я помню этот сад примерно с 1935 года. Особенно впечатлелись два больших грушевых дерева, которые обильно ежегодно плодоносили, по-видимому, из-за близости к хлевным постройкам, где земля была хорошо удобрена. А груши были очень вкусными. Часть яблок и груш дед клал на хранение под толстый слой сена над хлевом. Из хлева шло тепло, и фрукты здесь зимой не мерзли, причем яблоки сохранялись свежими до весны. Здорово было зимой проделывать ход в сене и вынимать оттуда красивые и вкусные яблоки и груши. Когда мне исполнилось 5 лет, то каждой весной и осенью дед заставлял меня лазить по фруктовым деревьям и спиливать лишние сучья по его указанию, а также счищать ножом с закругленным лезвием из дуба лишайники со стволов и сучьев. Делал я это с удовольствием. Дед тоже занимался такой работой,